

Первые шаги к Баланчину

Известия, — 1999 — / Большой театр осваивает классику XX века
27 апр. с. 7

Варвара ВЯЗОВКИНА

Урок новой хореографии начался для труппы Большого не с азов, а с самых вершин. Не с концертного, скажем, па-де-де Чайковского (которое в Москве, кстати, свободно исполняет Наталья Ледовская из Музыкального театра им. Станиславского и Немировича-Данченко), а с «Симфонии до мажор» на музыку Бизе (1947) и «Агона» Стравинского (1957) — то есть сразу с кристально-классической формы и неоклассической головоломки. Правда, минимальный опыт есть: вечер открывает уже идущий с прошлого сезона последний (1983) балет Баланчина «Модерн» (музыка Чайковского), перенесенный в Большой по инициативе Нины Ананишвили знаменитой Сюзен Фаррелли, в прошлом балериной «Нью-Йорк сити балле». Точно также сейчас Фаррелли перенесла в Москву «Агон», в то время как «Симфония до мажор» досталась Большому отчасти из вторых рук: балет, права на который держит Джон Тарас, готовила репетитор Мариинского театра Татьяна Терехова.

Несмотря на то, что школа Баланчина в своих истоках восходит к русской балетной школе, проблема освоения стиля Баланчина оказалась для наших танцовщиков не столько технической, сколько пси-

хологической. Пустая сцена, рабочая униформа; лишь сам танец эмоционально и интеллектуально действен у Баланчина — игривый, акробатичный, раскрепощенный. В лучшей степени задачи были решены в «Агоне»: сложный текст балета грамотно прочитан, бессюжетные хореографические лабиринты, казалось бы, преодолены. Урок выучен — но состязания («агон») между двенадцатью танцовщиками в купальниках и трико не вышло. Лучше всех «озвучили» механические движения и «оттанцевали» музыкальные импульсы молодые Нина Капцова, Анастасия Яценко и Ян Годовский в первом трио. Бессюжетная хореография оказалась близка Елене Андриенко, раскрывшей двух мужчин во втором трио. В центральном дуэте-соперничестве (и в той же мере дуэте-магичте) Инны Петровой с Дмитрием Белоголовцевым не хватило драматического напряжения и абсолютной завороченности друг другом. Танцовщики пока немного скованы, им недостает принужденного виртуозного блеска.

Урок «Симфонии до мажор» свидетельствовал о том, что, видимо, по инерции в Большом пытаются «изображать» и «переживать» даже самооченность абстрактной хореографической мысли. Так выглядела Надежда Грачева в первой части (вспоминалось «совершеннолетие

Дмитрий Куликов

«Симфония до мажор» Джорджа Баланчина в Большом театре: гармония целого важнее, чем персональные достижения

Авроры» из первого акта «Спящей красавицы»). В первой дуэте выделялись Ирина Зиброва и Ирина Семиченко. Во второй, медленной, части Нина Ананишвили как-то уж традиционно держала пор до бра (надо сказать, что и «Модерн»

ранее таинственным образом у нее получалась тоньше и вдохновенней). В «Симфонии» партнером Ананишвили был Андрей Уваров, да и весь мужской состав в балете сильный: и Константин Иванов, и Николай Цискаридзе, и Дмитрий

Белоголовцев. Среди их партнерш блеснула Мария Александрова, танцующая в театре второй сезон. Благодаря ей кульминация в Большом стало летучее скерцо, тогда как в Мариинском кульминация, конечно, в адажио у Ульяны Лопаткиной.

Если в Мариинке та же хореография образует балет четырех прим, то в Москве это ода женскому кордебалету и общему ансамблевому танцу, который, кстати, больше соответствует варианту «Нью-Йорк сити балле». Здесь кроется принципиальное художественное отличие от Мариинского театра, где идет «Хрустальный дворец» (парижское название того же балета и вариант Парижской оперы с системой звезд). В отличие от «Дворца» в Мариинке, «Симфония» в Большом обходится без цветных костюмов: мужчины в черном, у балерин белые пачки. Эта унификация идет на пользу Большому, где нет столь индивидуальных балерин; зато есть и ощущение, что все идет монолитно, как единое целое. Балет Мариинки способен внушить ликование, в Большом сильное созерцательное начало. Основной вопрос аутентичности авторской версии снимается сам собой. В Петербурге и в Москве — два разных произведения Баланчина.

Но как бы то ни было, полностью овладеть баланчинскими текстами труппа сможет лишь тогда, когда они утвердятся в репертуаре. Между тем до конца сезона балетов Баланчина в плане Большого нет. Хочется надеяться, что к следующему сезону «Симфония до мажор» не рассыплется как хрустальный дворец.

«Агон»
Стравинский